

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 29 (2292).

Суббота, 13 июля 1946 г.

Цена 45 коп.

РОЖДЕНИЕ КНИГИ

Редакция наших издательств и журналов призывают к большой и почетной работе: они содействуют развитию высокой советской литературы, способствуют выходу новых хороших произведений, воспитывают новые кадры литераторов.

В наши дни редакционно-издательская работа должна обладать принципиальностью, высоким идеинм уровнем, профессиональной четкостью.

В первом завершении строительства социализма и постепенного перехода нашего общества к коммунизму, когда дело коммунистического воспитания пробрело первостепенное значение, роль советской литературы и искусства становятся особенно важной. Литература предназначена «служить уже совершающемуся в нашей стране величественному духу духовного обновления людей, их ощущению от всей грядущей стартовой общества, формирования их коммунистического сознания и коммунистического образа поведения» («Большевик», № 9). При таких колосальных задачах, стоящих перед советской литературой в годы четвертой сталинской пятилетки, естественно, повышается значение редакционно-издательской работы. Работники редакций издательств должны поддерживать в искусстве все новое, передающее способы существующему коммунистическому воспитанию советских людей. Предъявляя самые высокие требования к писателям, они должны работать и внимательно работать на рукоюсников, содействовать качественному росту литературы. Редакционно-издательские работники должны облаивать широким кругозором, властеть теорией Ленина — Сталина, быть людьми принципиальными, руководствующимися в своей деятельности не соображениями ведомственными и групповыми, а сознанием ответственности за судьбы развития нации, искусством, менее всего допустив заблуждения, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, инвиллированию» (Ленин).

«Редактор — писал М. Горький, — это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его... Не говоря о том, что редактор должен знать больше писателя, он должен непрерывно учиться своему делу».

У нас есть славные традиции редакторской работы. Ответственность за судьбы литературы и умение находить и поддерживать все самое первое, лучшее, революционное, тоине, безшибочное чуть к новому мы присущи лучшим литераторам прошлого.

Некрасов двадцать лет редактировал журнал «Современник» и почти десять лет «Отечественные записки». Он, по выражению одного из современников, «был тонким обожанием редактор» и «редакция руковоходилась им неуклонно, как оркестром хором».

Высокая принципиальность, умение углублять новые таланты, находить людей помогла Некрасову и Чернышевскому сделать «Современника» последовательным и выдающимся органом революционной демократии. Некрасов и его близайшие сотрудники бережно и умно воспитывали молодых литераторов. Это были подлинные, искренние, благородные друзья литературы.

На наших глазах протекала поучительная деятельность М. Горького. Горький был полным редактором-воспитателем, редактором-другом. Всем известно, сколько обязаны Алексею Максимовичу писатели нашей страны, сколько он обогатил своим дружеским словом. Не было буквально ни одной самой скромной рукоюписи, которая, попав к Горькому, не была внимательно прочитана.

Известна воспитывающая роль редакторской работы Валерия Броварова. Можно назвать не один десяток советских писателей и критиков, которых в течение многих лет принимают участие в работе наших редакций и издательств. Их деятельность немало способствовала оживлению редакционно-издательской работы, повысившей ее качества.

Насколько прочны хорошие редакторские традиции советской литературы, скрое, показывают хотя бы такие факты, как выход в свет замечательных книг Ник. Островского или книги писателя Н. Бирюкова, тоже привокзального болельщика к постерам, как появление книги сказителя Годлевского. Важно в этих случаях быть проявленной глубокой заинтересованностью редактора и издательства в труде писателя, бережное отношение к книге.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О награждении писателя Антокольского П. Г. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области литературы, в связи с 50-летием со дня рождения, наградить писателя Антокольского Павла Григорьевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль.

11 июля 1946 г.

На торжественном собрании памяти Джамбула

АЛМА-АТА, 12 июля. (ТАСС). Вчера состоялся торжественный пленум Союза советских писателей республики и сессия Академии наук Казахстана, посвященные столетию со дня рождения Джамбула Джабаева. На пленум собрались писатели, деятели науки, искусств, представители советских и партийных организаций, гости из Москвы и Ленинграда, братских республик и областей Казахстана.

С докладом «Джамбул и народная поэзия» выступил председатель Союза советских писателей республики Сабит Муханов.

Джамбул принадлежит к категории тех

акынов, которые представляли собою живую книгу истории своего народа. Джамбул был певцем сталинской эпохи. На советские темы он сложил около 12 тысяч стихотворных строк.

Доклад на тему «Джамбул и казахская советская поэзия» сделал поэт Тажибек, академик-писатель Азизов. Повсюду свое выступление состоятельный поэзия и поэзия культуры импринтили акыну. Творческая акына в военные годы посыпала свою голову писателем Мурзиной. В заключение писатель Мурзиной заслушал доклад кандидата филологических наук т. Балазаева о языке Джамбула.

1 стр. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении писателя П. Г. Антокольского орденом Трудового Красного Знамени. Г. Кунгурев. Поучительный путь. Мих. Апелит. Кто нас научил бороться. Хр. Василев, Христо Ботев. По Советской стране. Стипендии имени Юлии Жемайти и Саломеи Нерис. Молодые поэты Киргизии.

2 стр. В. Школовский. Книга о Крылове. Инна Тынянова. «Слово о полку Игореве» на испанском языке. А. Кудрейко. Солдатский дневник. Д. Золотников.

Интрига и история. И. Саш. Заметки редактора. Информация.

3 стр. Ю. Юзовский. О гражданской активности и излишней осторожности. К итогам дискуссии. Ф. Левин. С кого они портреты пишут?

4 стр. Г. Ломизе. Журнал «Мнатобий». А. Елистратова. Постмортальный роман Драйзера. Влад. Соловьев. Соловьев и другие (басня). В Стюартовских писателей СССР. Творческий вечер Е. Трутневой. Первый сборник стихов. Книга о битве за Кавказ. Информация. Новые книги.

По Советской стране

НОВАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ «ЗВЕЗДЫ»

ЛЕНИНГРАД (От наш. корр.). Утверждена новая редакционная коллегия журнала «Звезды». В редакцию вошли: Ю. Герман, И. Грушев, М. Зоенко, Н. Капина (сот., редактор), Б. Майах, Н. Никитин. А. Прохорьев и В. Саянов.

СТИПЕНДИИ ИМЕНИ ЮЛИИ ЖЕМАЙТИ И САЛОМЕИ НЕРИС

ВИЛЬНЮС. Министерство высшего образования СССР установило для студентов историко-филологического факультета Вильнюсского государственного университета одну стипендию имени писательницы Юлии Жемайти и одну — имени писательницы Саломеи Нерис по 400 руб. Одна стипендия имени Юлии Жемайти в 400 рублей установлена также для Каунасского государственного университета.

АЛЬМАНАХ «СТЕПНЫЕ ОГНИ»

ЧИЛАОВ. (От наш. корр.). Введен из печати и поступил в продажу альманах № 5 «Степные огни» Чкаловского областного отделения Союза советских писателей.

Альманах открывается циклом стихотворений «Степь» Николая Клементьева. В отделе прозы напечатаны: «У городских ворот» (отрывок из поэмы) Еги. Рассказы «Левый фланг» Ивана Быковца, «В бурю» Н. Сказбузы, «На родной земле» Н. Садофьева и пьеса Н. Клементьева «Некрополь».

В книге также помещены лирические стихи Александра Волинка, Ивана Бортикова, Михаила Лапыгина и Александра Пономарева.

Кроме того, напечатаны очерки о депутате Верховного Совета СССР из Чкаловской области: Г. Денисове, Г. Захарове, И. Сафонове, И. Варакине, А. Фадееве, В. Межевой и П. Коробове.

В заключительном разделе альманаха опубликованы статьи М. Незамона «Они играли в Оренбурге» (из истории оренбургского театра), Н. Принципникова «Заметки о «Войне и мире» Льва Толстого», И. Изотова «Англо-американская литература в дни войны».

«ПИСЬМА В СИБИРЬ»

НОВОСИБИРСК (От наш. корр.). А. М. Горький внимательно следил за развитием литературы в Сибири. Он читал книги и переводы, писал о творчестве сибиряков, редактировал их рукою и печатал в своих журналах и сборниках, пишет письма в редакции журналов «Сибирские огни», «Сибирь», «Будущая Сибирь». Тридцать три года вел Горький переписку с писателями, работавшими в те годы в Сибири. Одному только В. Ануничину Горький написал 23 письма. Горький писал в Сибирь: В. Иванову, Г. Гребенщикова, Недавнюю из «суббот» капитана океанского теплохода «Никис» тов. Сарин, участнику политического движения в Белоруссии (из бригады Героя Советского Союза Заслонова) тов. Глауберман и другие; чьи живые рассказы о виденном и пережитом дают богатый материал для литераторов.

В книгу включено также приветствие А. М. Горького первому съезду литераторов Сибири, приветствие краевому съезду литераторов, редактировали их рукою и печатали в своих журналах и сборниках, пишет письма в редакции журналов «Сибирские огни», «Сибирь», «Будущая Сибирь».

В книгу включено также приветствие А. М. Горького первому съезду литераторов Сибири, приветствие краевому съезду литераторов, редактировали их рукою и печатали в своих журналах и сборниках, пишет письма в редакции журналов «Сибирские огни», «Сибирь», «Будущая Сибирь».

Книга составлена С. Кожевниковым и А. Коноваловым. Вступительная статья «Горький и Сибирь» написана С. Кожевниковым.

Книга составлена С. Кожевниковым и А. Коноваловым. Вступительная статья «Горький и Сибирь» написана С. Кожевниковым.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор». Подробный разбор этих книг сделал народный поэт Киргизии Азиз Токмаков, отмечавший несомненный рост молодых поэтов. Выступившие пришли с свежестию о своеобразии своих поэзий.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Киргизии в течение нескольких дней шло обсуждение произведенений, вышедших за последние два года. Интересно было обсуждение двух сборников стихов — Смары Шимеева «Лирика» и Кубаныч Акава «Песни гор».

Изданы новые стихи из поэзии Кубаныч Акава — поэта из села Сыздыкбайского района Ошской области Киргизии.

ХОРОШИЕ ПОЭТЫ КИРГИЗИИ

КНИГА О КРЫЛОВЕ

Мы подняты историей на гребень высокой волны и далеко видим и прошлое и будущее. Мы заново написали сейчас биографию Пушкина, создаем биографию Лермонтова, Толстого и великих наших учеников, имеем лучшие издания классиков.

Быво время, когда мы не умели видеть прошлое и попрекали своих предков за неизвестность того, с чем одни из нас только что согласились, а другие только что не оценили. Но ошибки старых книг мы уже можем избежать.

Из старых биографических легенд одна из самых прочных — легенда о разнодуинстве, ленивом, поздно начавшем работать Иване Андреевиче Крылове.

Широко образованный Крылов, настороженно допонимавший своеобразие времени, что хорошо изучил греческий язык, человека, знавшего математику и музыку, изображался ленивым уальманем.

Пушкин писал: «В самом деле Крылов знает главные европейские языки и сверх того он... пятидесяти лет выучился древнегреческому».

В других землях таковая характеристическая черта известного человека была прописана во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших доверялись обозначением года их рождения и подробностями послужного списка.

Крылов заведывал русским отделением Публичной библиотеки и, можно сказать, создал этот отдел. Он работал много и неутомимо и прожил большую жизнь, не будучи побежденным, изменяя жанр своей литературной деятельности и не изменяя никогда таланту.

И. Сергеева. «Иван Андреевич Крылов» вышли в сокращенном виде. В ней мало показано кривловского окружения, литературная эпоха его времени. Между тем, интересно было бы указать, что ко времени успеха Крылова басни Александра Измайлова были обявлены в пяти изданиях, басни Дмитриева были третьим изданием Басни выходили всходу, даже в Астрахани и в Харькове.

Среди множества басен были индийские басни и басни Эзопа, которые, судя по типографиям (Решетникова), попали в число тех книг, которые были распространены в народе.

Достоинством биографии Сергеева является то, что он показал непрерывность развития таланта Крылова.

Книга рассказывает про семью Ивана Андреевича, про его отца, мать, брата.

Андрей Крылов умел служить, много читал, это был скромный человек. Брат Лев как бы повторяет историю отца — скромного армейского офицера, похожего, вероятно, на пушкинского капитана Миронова.

Но надо сказать, что образ Льва Крылова и очень интересен, он помогает понять Ивана Крылова, иногда заслоняет его, так как литературная часть книги скращена при издании.

И. Сергеева. «Иван Андреевич Крылов». «Молодая гвардия» 1945.

Инна ТЫНЯНОВА

«Слово о полку Игореве» на испанском языке

Для действительности сегодняшней Испании эта вторая тема «Слова» представляет собой живой интерес и звучит с большой силой.

Перевод «Слова о полку Игореве» на иностранные языки представляет большие трудности благодаря сложной метафорической системе языка подлинника, его яркой образности, лексическим и синтаксическим особенностям старо-русской речи, необычности строения стиха. Для перевода на испанский язык трудность эта усиливается большим несходством русского и испанского стихосложения. Однако при всех трудностях богатая образность языка, наличие мужских и женских рифм, плавность и торжественность стиха, его мелодическая структура родят между собою оригинальные и передовые произведения.

Перевод «Слова о полку Игореве», осуществленный в ноябре 1945 г. в составе коллектива «Литературного музея имени Федора Кельина», представлен в «Словаре» переводов на испанский язык из «Слова о полку Игореве», приведенных в статье П. Шестаковского «Русская литература до Монгольского нашествия».

«Слово» звучит на старославянском языке и стремлениями, которыми полна сейчас передовая демократическая интеллигенция Испании и Латинской Америки.

Как в русском, так и в испанском эпосе весь голос говорится о сабории родной земли, об изгнании из ее пределов иностранных захватчиков. Если сравнять походы князя Игоря против половьев с походами против мавров национального героя испанского эпоса Сида, то станет ясным, что их воодушевило и подняло на борьбу одно и то же всеуплоющее стремление к обновлению родной земли.

«Слово о полку Игореве» имеет черты ходства и с другим памятником испанского эпоса — «Позойо» о Фернане Гонсалесе. Фернан Гонсалес сражается за свободу Кастилии, притесняемой реакционной Леонской монархией, за прекращение распри отдельных королевств и графств на территории Испании, за сабории испанской земли.

Герой испанского эпоса, как и герой «Слова о полку Игореве», сражаются не только с иностранными поработителями, но и с представителями тогда высшего слоя феодального общества, который уничтожил свою богатство, разжигая междуусобицы.

И. САЦ

Заметки редактора

На № 16 «Литературной газеты» напечатана заметка В. Бахметьева о внутренней литературно-критической работе в издательствах. В. Бахметьев, конечно, прав, обращая внимание на эту критическую литературу, которая печатается только на пищущей машинке триажды 2—3 экземпляра, приобретает всегда десяток читателей, а между тем влияет на художественную литературу не меньше, чем опубликованные статьи. Есть еще в этом деле другая сторона. Иногда первые попытки уловить новое жизненное явление выражаются в форме настолько незрелой, что производование, как целое, просто не существует. Но в некоторых из рукописей, которых не судьба попасть в типографию, встречаются интересные наблюдения и мысли. Об одной из таких рукописей я хочу сообщить читателям «Литературной газеты», разумеется, не называя ни автора, ни его произведений! Когда рукопись издана и читатель не может пронести критику чтением книги, такая предсторожность охраняет права писателя.

Все рассказы в этом сборнике — о фронте и тыле. Отечественной войны; вернее, не о тыле, а о фронте в тылу, — постепенно становимся или во времени, гостинично-бытовым.

В каждом из рассказов действует другой герой. Один ранен легко, другий тяжело. У одного любимию женщину убили немецкие бомбы, другому изменила девушка, пока он ее вел. Но, по существу, это одни и тот же тип. Это молодой человек здоровый и не очень требовательный к жизни. хороший товарищ, спортсмен. Он ушел на фронт, еще не сформировавши синий характера, ни характера. На фронте он был храбрым бойцом и таким же храбрым товарищем по землине и полю боя. какими были в клузе и на футбольном матче. Но война — не спорт; он пережил потерю друзей, страдания от своих и, еще тяжелей, от чужих ран, от долгой пребывания в погоне. и отрывал жизни вперед.

Каждый из рассказов действует другим героям. Один ранен легко, другий тяжело. У одного любимию женщину убили немецкие бомбы, другому изменила девушка, пока он ее вел. Но, по существу, это одни и тот же тип. Это молодой человек здоровый и не очень требовательный к жизни. хороший товарищ, спортсмен. Он ушел на фронт, еще не сформировавши синий характера, ни характера. На фронте он был храбрым бойцом и таким же храбрым товарищем по землине и полю боя. какими были в клузе и на футбольном матче. Но война — не спорт; он пережил потерю друзей, страдания от своих и, еще тяжелей, от чужих ран, от долгой пребывания в погоне. и отрывал жизни вперед.

Литературная газета № 29

СОЛДАТСКИЙ ДНЕВНИК

Советские поэты — участники Отечественной войны, создали стихотворные циклы, которые с полным основанием можно назвать «солдатскими дневниками». Они писались в блокнотах и окопах, в них записывалась картина пребывания Кривоева в пропорции.

Белорусский поэт Максим Лужанин в книге «Широкое поле войны» говорит о солдатском дневнике так:

Краток он — ведь мгновенье у нас! Он — занавес, стянутый с окошка, Марки похоронной, отсыпания нота. Но лишь правда — без всяких прикрас.

Все жанры имеют право занять место в поэтическом дневнике, но чтобы он стал несомненным, необходимым: значительность смысла, связывающей стихи воедино, и ее общее выражение — глубина мысли и чувства, яркость красок, свой художественный почерк.

Лужанин есть свою тему — тема освобождения Белоруссии, возвращения на родину. Но в отборе материала автор не проявлял страстности, и книга в художественном отношении получилась неровной.

Рядом с более или менее удачными впечатлениями есть и другие, совсем беспомощные, как вспышки света из пещеры, — эти поганые, беспомощные, пустые факты.

Лужанин досадно, что поэтическое чудо порой изменяется, и наше знание, наша борьба он вписывает в романтические штампы:

И все, кто черном рукою
Военный разложил пожар,

И огни моих орудий наших

И мгновенья нашего удара.

Фрагменты, имевшие право занять место в поэтическом дневнике, но чтобы он стал несомненным, необходимым: значительность смысла, связывающей стихи воедино, и ее общее выражение — глубина мысли и чувства, яркость красок, свой художественный почерк.

Лужанин — достаточно опытный поэт. Весь он находит живые, полноценные образы и краски, рисуя радость освобождения Белоруссии:

Вокалихиства, туманом понято,

В слухах дающих веселое жито,

Всю тогда, и широкий и пригож,

Вновь запелет радостный Сож,

Но ногами у сосен смолистых

Вновь запелет песок золотистый...

И омытая чистой росой.

Засмеялся трава под косой.

При ритме, по живописности удачно и стихотворение «На освобожденной земле». В цикле «Начало» поэт умел подыгрывать гиперболой: «умяя ветви духотой, виноградный день, как звон, стоял; хлеба по плечи, травы в полях, на них засмеялись ветви».

Или в другом стихотворении: «если уставали стrectо кцили, сильные, как птицы, на травах Былого хребта». Хорошая школа чувствуется в строках: «если уставали стrectо кцили, сильные, как птицы, на травах Былого хребта».

По ритму, по живописности удачно и стихотворение «На освобожденной земле».

В цикле «Начало» поэт умел подыгрывать гиперболой: «умяя ветви духотой, виноградный день, как звон, стоял; хлеба по плечи, травы в полях, на них засмеялись ветви».

Или в другом стихотворении: «если уставали стrectо кцили, сильные, как птицы, на травах Былого хребта».

Хорошо чувствуется в строках: «если уставали стrectо кцили, сильные, как птицы, на травах Былого хребта».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтом, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некоторым поэтам, на которых вспоминаются старые мысли о том, что «если уставало сердце, то гитара поднимала голову».

Из стихов о родине следует выделить «Присягу»: песенное начало, национальный колорит отличают это стихотворение.

В стихах о родном крае, о природе Максим Лужанин обнаруживает спасительную поэтическую «выдумку», изобретательность, которой недостает его некотор

О ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ И ИЗЛИШНЕЙ ОСТОРОЖНОСТИ

Ю. ЮЗОВСКИЙ

Более трех месяцев в печати¹ на диспутах обсуждается вопрос, который за это время так дружно успели замутить, что сам, наконец, перестал понимать, какой же это был «вопрос».

Все же вопрос был о том, что сегодняшний день не похож на вчерашний, а ведь брезгит завтрашний и что, показывая людей, которые ходили по сцене пятьдесят лет назад («Отчий дом» или двадцать пять лет назад («У стены Ленинграда») или все пятьдесят лет назад («Капитан Корсар»), незачем утверждать, что они — герои сегодняшнего дня. Показывают, что умеете показывать, пусть — это жизнь, какой она была пятьдесят и сто пятьдесят лет назад, — важное дело истории, — но не воспроизводите историю под современность, — за двумя зайцами погонялись, ни одного не поймали, ни истории, ни современности.

Таков был главный «вопрос».

В ответ мы услыхали «реплику». А Тарнов вознес похвалу Винниченко, ссылаясь на похвалу Пушкина Корнею. Затем обнял свою принципиальную позицию. Заключается она в том, что он против «интимной» драмы и за «романтическую» драму! Что можно на это отвечать? — На здоровье. Романтическая, так романтическая. Но будете ли вы изображать жизнь в романтической драме или в «будничной» драме, приемами Корнеля или приемами Чехова, — на сцене должны быть не герой Корнеля и даже не герой Чехова, а ваши с вами герои. Никто не собирается противопоставлять лирической пьесы Малюгину романтическую пьесу Винниченко. Вам не привяжется «точки чувства», изображайте «мугнине страсти», не душа мхнатовских «переживания» — подавайте «фасад» Корнеля. Зачем спорить о том, о чём никто не спорит!

Здесь, с трибуны клуба писателей, подает голос драматург Финн, взыскивший требование изображать «интеллигентность», хотя у меня и мыслях не было требовать этого от Финна. Оператор сидит, почему противопоставляются старшее и младшее поколение драматургов, он сердится по этому поводу тем больше, чем меньше с ним спорят по этому поводу. Почему же он сердится? Старшее поколение опишилось жизнью своего поколения, — часть ему и хвали! Оно старается написать новое поколение — часть ему и хвали! Фадеев, например, сделает выдающийся шаг в этом направлении. Традиции старшего поколения живут в романе «Молодая гвардия» в новом поколении, как органический сплав с тем новым, что несет с собой сенинание времени. Одни писатели не достигли этой цели, другие уже достигают. Чего же тут сердиться. Работать надо, а не спорить!

Гляди на иной современный спектакль, вспоминаешь... Гордова из пьесы Корнейчука «Фронт» и не по поводу военных работников, а работников литературы. «Городской» взглян на вещь виден в этом спектакле, горловский, эпигонский, отсталый, — «горловское» ощущение и изображение людей и событий. У Гордова, как известно, есть заслуги, он подлинный патриот, желает разгрома врага, однако его предупреждают, что если он не сумеет стать на уровень нового времени, если будет жить только вчерающим, пусты и очень славным днем, ему придется уступить место другому. Место Гордова занял Огнев, хотя Гордову были даны все возможности тоже стать Отневым. Если продолжить нашу аналогию, то мы скажем так: мы стоим на огневской позиции против горловской, в интересах всего националистического искусства — и старшего и младшего поколения. А Отнев все равно побудит, какой бы при этом суммы поднимали горловские соратники в лите и критике.

Наиболее, однако, сварливые нападки называла так называемая «интеллигентность», возникшая из «дискуссии» по статье японскому вопросу. Почему все же «интеллигентность» так пугает наших оппонентов, почему они вкладывают в это слово худший смысл, вместо того, чтобы вложить лучший и высокий, независимо от того, худший или лучший, повод я смог найти для своего выступления.

— Да! — говорим мы, — интеллигентность. В стране социализма, где культура перестала быть привилегией немногих, — отчего она была для них не только благотворной, но и личной, — а стала достоянием миллиардов, рано или поздно, все будут культурными и образованными, все будут интеллигентными людьми. Конец этого процесса еще далек от гордами, однако он происходит. Присходит! И никаку не от этого не денется.

Ирина в «Трех сестрах» говорит Тузенба, ху, что душа ее напоминает прекрасный рояль, клюк от которого потерял, и Тузенбах, — это были его последние слова, — отвечает, что этот потерянный клюк больше всего терзает его сердце. В одном этом диалоге, ведь Чехов, и его тоска, и его надежда, и его вера в будущее, и его честь, и его мечта о будущей — благородной основе отношений между людьми. Бесконечное благословие звуков можно извлечь сейчас из этого рояля! Почему же по поводу одной лишь интеллигентности следует беспокойно допытываться — соответствует ли интеллигентность марксизму?

Соответствует, товарищи, соответствует! Недавно в Германии на спектакле «Мещанская Наша берега Невы». В ней рассказывается о жизни ленинградцев-рабочих в годы войны и взаимоотношении учительницы Татьяны, которая отравлена «грамотой», и машиниста Нила, который будущим возведет в свою руки умственные богатства, бесследно погибшие в Татьяне.

А результаты нам дано лицезреть. Вот они, потомки Нила, сидящие в зрительном зале, цельные, сильные, волевые, интеллигентные люди, люди социализма, волющеная мечта Чехова. Вспомним, как торжественно приветствовал Чехов появление Ни.

Я выражалася ясно. Я вспомнил пьесу Светлова о первых годах революции, где выведенены были, с одной стороны, рабочие молодежь — первые комсомольцы, а с другой — гимназисты, буржуазные сыночки и дочки, и писал, что сегодняшние молодые люди ведут свое происхождение от светловских комсомольцев, а не от гимназистов. В чем был смысл этого сопоставления? В том, что речь идет не о преемственности, а о преемственности идеологии, о преемственности марксизма.

Соответствует, товарищи, соответствует! Идея социализма была осуществлена жизнью, когда социализм вошел в быт. Социализм находится у нее не только в сознании, он глубоко вошел в подсознание, в ее кровь, можно сказать, в ее инстинкт, — и это было не «интимный» процесс, но активная, вспыхнувшая жизнью. И культура, завоеванная для нее отчами, с детства осваиваемая ею, тоже стала органичной, обнаружившей уже как интеллигентность. И здесь не просто приобретение и пользование культурным «пространством», а строительство социалистической культуры. Наконец, сами «тычи», процесс созиания ими социализма «вышли».

Молодые ермолковские актеры, так же как и их автор, изобразили своих современников — советскую интеллигентную молодежь — их моральную чистоту, цельность, патриотизм, демократичность, их советское жизненное восприятие. Но потому, что эти качества находятся не только в «тексте», но глубоко в «подтексте» и не формулированы в репликах и монологах, люди, привыкшие к инерции, объявляют, что у этих молодых людей за душой ничего нет, нет связи с прошлым, нет — в то время, когда это существо есть самое их существо, их характеристика. Правда, молодые люди не показались героями, сколько доказали.

Все же три месяца в печати¹ на диспутах обсуждается вопрос о современной драматургии. (См. статьи в №№ 10, 14, 15, 17, 18, 21, 22 и 23 Г. Г.).

минуту некоторым подозрительным критикам, как на они «способны». Мы их видим только в «домашней обстановке». Но разве, например, тот юноша, которого глубоко трогательно играет Якут, когда буде случа, не обнаружит того, что в нем сейчас спрятано? Обнаружит! И быть может, же буднично, скромно незаметно, как сейчас в «домашней обстановке».

Мы слыхали же на нарекания по поводу других произведений, например симоновых «Дней и ночей». Подчеркнутая, даже вызывающая «будничная» интонация и отказ от романтического жеста в этой поэте вызывают недоверие к героям: как дескать, обстоит у них с социализмом. Всматриваясь пристально, — он внутренних социалистов, он повсюду — в жесте, в интонации в «спиритметре» или повсюду каким-то словом, он — сама их природа.

Постижение и воплощение этой «органичности» составляет важное свойство этих произведений. Однако мы не можем удовлетвориться этим. Мы и говорили «Старым друзьям» — дальше надо ити, дальше не только к «подтексту», но и к «тексту», к «тексту! Иначе будешь заниматься только наблюдением и воплощением этой «сознательности» и забудешь, что она лишь фундамент, на котором беспрерывно возникает следование к героям: как дескать, обстоит у них с социализмом?

Герой ваши должен обнаружиться также в активном созидающем действии: перелет через весь мир, он отвечает за этот мир, за его будущее, которое он создает.

Нам мало одного линий «всплесчения» от героя, надо нужно «зодействие» на героях,

чтобы они пополнили свою мысль, чтобы они

стали нашими героями.

Гордиков, — да, ведь это бывший

актер Борисова, — это бывший

актер Гоголя и Погодина и

и Погодина.

Всматриваясь пристально, — он внутренних социалистов, он видит в себе

бывшего актера Борисова.

Тогда был предложен самый испытанный аргумент, казырный туз большинства авторов и ораторов: «Мы требователи! — говорят они, — мы за высокую литературу, мы за критический качеств, разве это не пакетнейший критерий? Обязательный критерий, — отмечают, — однако с одним этим критерии мы далеко не уйдем. Рискну не видеть процесса жизни, не увидеть, как они отражаются в литературе, независимо от того, насколько она достигла или не достигла классического уровня».

Если критики, которые только и знают, что свою измерительную линейку, единственный оружие в их критической арсенале. Они стоят с этой линейкой на голове! — они измеряют Малюгина и Погодина и, сравнивая, препрекратят какают головой! нет оснований для обсуждения, слабо!

Они правы, конечно, они всегда будут правы. Они были правы и тогда, когда впервые принесли Погодина, когда его «Темп» и «Поэма о топоре» появились на фоне «Человека с портфелем», «Лудака», «Заговора честности», а также на «Любови Яровой», прекрасной драматургии того времени. Они писали в ход свою линейку, измеряли Погодина и Фадеева и решительно утвердились в этом. Мы и говорили «Старым друзьям» — дальше надо ити, дальше не только к «подтексту», но и к «тексту», к «тексту! Иначе будешь заниматься только наблюдением и воплощением этой «сознательности» и забудешь, что она лишь фундамент, на котором беспрерывно возникает следование к героям: как дескать, обстоит у них с социализмом?

Гордиков, — да, ведь это бывший актер Борисова, — это бывший актер Гоголя и Погодина и Погодина.

Всматриваясь пристально, — он внутренних социалистов, он видит в себе

бывшего актера Борисова.

Тогда был предложен самый испытанный аргумент, казырный туз большинства авторов и ораторов: «Мы требователи! — говорят они, — мы за высокую литературу, мы за критический качеств, разве это не пакетнейший критерий? Обязательный критерий, — отмечают, — однако с одним этим критерии мы далеко не уйдем. Рискну не видеть процесса жизни, не увидеть, как они отражаются в литературе, независимо от того, насколько она достигла классического уровня».

Если критики, которые только и знают, что свою измерительную линейку, единственный оружие в их критической арсенале. Они стоят с этой линейкой на голове!

Они правы, конечно, они всегда будут правы. Они были правы и тогда, когда впервые принесли Погодина, когда его «Темп» и «Поэма о топоре» появились на фоне «Человека с портфелем», «Лудака», «Заговора честности», а также на «Любови Яровой», прекрасной драматургии того времени. Они писали в ход свою линейку, измеряли Погодина и Фадеева и решительно утвердились в этом. Мы и говорили «Старым друзьям» — дальше надо ити, дальше не только к «подтексту», но и к «тексту», к «тексту! Иначе будешь заниматься только наблюдением и воплощением этой «сознательности» и забудешь, что она лишь фундамент, на котором беспрерывно возникает следование к героям: как дескать, обстоит у них с социализмом?

Гордиков, — да, ведь это бывший актер Борисова, — это бывший актер Гоголя и Погодина.

Всматриваясь пристально, — он внутренних социалистов, он видит в себе

бывшего актера Борисова.

Тогда был предложен самый испытанный аргумент, казырный туз большинства авторов и ораторов: «Мы требователи! — говорят они, — мы за высокую литературу, мы за критический качеств, разве это не пакетнейший критерий? Обязательный критерий, — отмечают, — однако с одним этим критерии мы далеко не уйдем. Рискну не видеть процесса жизни, не увидеть, как они отражаются в литературе, независимо от того, насколько она достигла классического уровня».

Если критики, которые только и знают, что свою измерительную линейку, единственный оружие в их критической арсенале. Они стоят с этой линейкой на голове!

Они правы, конечно, они всегда будут правы. Они были правы и тогда, когда впервые принесли Погодина, когда его «Темп» и «Поэма о топоре» появились на фоне «Человека с портфелем», «Лудака», «Заговора честности», а также на «Любови Яровой», прекрасной драматургии того времени. Они писали в ход свою линейку, измеряли Погодина и Фадеева и решительно утвердились в этом. Мы и говорили «Старым друзьям» — дальше надо ити, дальше не только к «подтексту», но и к «тексту», к «тексту! Иначе будешь заниматься только наблюдением и воплощением этой «сознательности» и забудешь, что она лишь фундамент, на котором беспрерывно возникает следование к героям: как дескать, обстоит у них с социализмом?

Гордиков, — да, ведь это бывший актер Борисова, — это бывший актер Гоголя и Погодина.

Всматриваясь пристально, — он внутренних социалистов, он видит в себе

бывшего актера Борисова.

Тогда был предложен самый испытанный аргумент, казырный туз большинства авторов и ораторов: «Мы требователи! — говорят они, — мы за высокую литературу, мы за критический качеств, разве это не пакетнейший критерий? Обязательный критерий, — отмечают, — однако с одним этим критерии мы далеко не уйдем. Рискну не видеть процесса жизни, не увидеть, как они отражаются в литературе, независимо от того, насколько она достигла классического уровня».

Если критики, которые только и знают, что свою измерительную линейку, единственный оружие в их критической арсенале. Они стоят с этой линейкой на голове!

Они правы, конечно, они всегда будут правы. Они были правы и тогда, когда впервые принесли Погодина, когда его «Темп» и «Поэма о топоре» появились на фоне «Человека с портфелем», «Лудака», «Заговора честности», а также на «Любови Яровой», прекрасной драматургии того времени. Они писали в ход свою линейку, измеряли Погодина и Фадеева и решительно утвердились в этом. Мы и говорили «Старым друзьям» — дальше надо ити, дальше не только к «подтексту», но и к «тексту», к «тексту! Иначе будешь заниматься только наблюдением и воплощением этой «сознательности» и забудешь, что она лишь фундамент, на котором беспрерывно возникает следование к героям: как дескать, обстоит у них с социализмом?

Гордиков, — да, ведь это бывший актер Борисова, — это бывший актер Гоголя и Погодина.

Всматриваясь пристально, — он внутренних социалистов, он видит в себе

бывшего актера Борисова.

Тогда был предложен самый испытанный аргумент, казырный туз большинства авторов и ораторов: «Мы требователи! — говорят они, — мы за высокую литературу, мы за критический качеств, разве это не пакетнейший критерий? Обязательный критерий, — отмечают, — однако с одним этим критерии мы далеко не уйдем. Рискну не видеть процесса жизни, не увидеть, как они отражаются в литературе, независимо от того, насколько она достигла классического уровня».

Если критики, которые только и знают, что свою измерительную линейку, единственный оружие в их критической арсенале. Они стоят с этой линейкой на голове!

Они правы, конечно, они всегда будут правы. Они были правы и тогда, когда впервые принесли Погодина, когда его «Темп» и «Поэма о топоре» появились на фоне «Человека с портфелем», «Лудака», «Заговора честности», а также на «Любови Яровой», прекрасной драматургии того времени. Они писали в ход свою линейку, измеряли Погодина и Фадеева и решительно утвердились в этом. Мы и говорили «Старым друзьям» — дальше надо ити, дальше не только к «подтексту», но и к «тексту», к «тексту! Иначе будешь заниматься только наблюдением и воплощением этой «сознательности» и забудешь, что она лишь фундамент, на котором беспрерывно возникает следование к героям: как дескать, обстоит у них с социализмом?

Гордиков, — да, ведь это бывший актер Борисова, — это бывший актер Гоголя и Погодина.

Б. Горбатов и С. Гудзенко в гостях у журналистов львовской газеты «Вільна Україна» писателей г. Львова. Фото В. МЕЛЬНИКА.

Г. ЛОМИДЗЕ Журнал „Мнатауби“

«Мнатауби» («Светоч») — один из старейших литературно-художественных журналов Грузии. Все 22 года своего существования он являлся среди прочим лучшим литературным силам республики.

В дни Великой Отечественной войны «Мнатауби» неслыханно спасся от своей задачи — быть агитатором в общенародном деле борьбы с врагом. С окончанием войны новые проблемы встали перед нашей страной.

Как понимала редакция свои новые задачи, — ответ на этот вопрос пошел в шести последовательных номерах «Мнатауби».

В годы войны в грузинской литературе наметились две основные темы: историческая и современная. Увлечение историей было случайным. В пору грозных испытаний народ черпал духовную силу не только в настоящем, но и во всем, что было величком, благородного в прошлом.

Большое место в литературе, естественно, занимала тема современная — о войне с силами фашистской реакции. Фронтовые очерки, рассказы, корреспонденции, стихи о героях были помешаны журнал. Тема эта, тема созидательной работы советских людей разрабатывалась слабее. В рецензируемых книгах «Мнатауби» эта пропагория в основном сохранялась.

Из произведений, посвященных войне, читатель с интересом прочел две новеллы писателя-броневика Г. Натрошиашвили: «Гиури» и «Сон». Г. Натрошиашвили хорошо знает психология солдата, его трудную жизнь, его радости и невзгоды. О чувствах и мыслях людей, отважившихся от сменного очага, об их любви к родному краю, об их верности долгу Г. Натрошиашвили говорит сердечными, сильными словами.

Летом 1942 года Г. Натрошиашвили говорил о героях на страницах «Мнатауби». В шести номерах журнала нет даже ни одного очерка о том новом, что произошло в жизни республики.

Несомненная заслуга журнала в том, что на его страницы появились новые имена способных прозаиков: Ю. Гогуа, Г. Натрошиашвили, А. Ломидзе, Г. Шатебашвили, Л. Авалиани.

Разнообразен поэтический отдел «Мнатауби». Отметим «Героям боев... героям учебы» — И. Гришашвили, «Л. Берии и «Предки» — Ал. Машавашвили, «Н. Лордакинидзе» — Ал. Абашвили, «Атенеские стихи» — Гр. Абашвили, В № 11—12 напечатан большой цикл стихов о творчестве Стalinе.

Своей любви к великому божеству поэты говорят словами, идущими из глубины сердца. Особенно хочется выделить «Старую шинель» Алио Машавашвили. Походная шинель Стalinina, побывавшая вместе с ним во многих битвах, отдаляет теперь в Кремль. Будто трепет пробегает по ней, когда мимо проходит человек в мундире Генерал-инспектора, членов, которого героям охраняла и согревала боевая шинель.

В последних номерах заметно улучшился отдел публицистики. Запоминается содержательная статья П. Шария об А. Чулике. Интересна работа Г. Хачапурцадзе «Декабристы в Грузии».

Журнал занимается изучением литературного наследства Грузии. Опубликованы критические исследования Г. Джигладзе, Д. Бенавиши, С. Чилиа. Десятый номер посвящен поэзией великому грузинскому поэту Николаю Баратшвили.

По статье, обобщающей процессы, проходящие в советской литературе в последние годы, нет на страницах журнала.

Разделу критики истории литературы журнала должен придать более четкий профиль. В этот раздел попадают работы, ничего общего не имеющие ли с критикой, ни с историей литературы. К числу их можно отнести, например, статью Б. Эмхвари «О величине абхазии».

Отдел переводов в «Мнатауби» представлен широк. В рецензируемых номерах наяву предлагают переводах: Г. Табидзе, Г. Симонов, А. Стругацкий, Г. Франко, Исаакиани, Туманишвили, «Ромео и Джульетта» Шекспира да в новом переводе В. Челидзе, «СкоКанный Прометей» Эсхила — в переводе А. Куатели. Ранее журнал опубликовал новый перевод «Горя от ума» Грибоедова, выполненный М. Пашавашвили, и переводы стихов Полонского.

«Мнатауби» — пока единственная в Грузии литературно-художественная газета. Он собирает вокруг себя всех грузинских писателей — мастих и молодых. Редакция правильно поступает, предоставив свою страну молодым, растущим литераторам. Но она иногда допускает «скользкую на юность». Только этим можно объяснить появление очень слабого отрывка из романа Н. Кацхавадзе и Б. Киквидзе «9 мая».

«Мнатауби» страдает недугом других газетных журналов. Он выходит в свет с опозданием на два-три месяца и, естественно, отстает от событий. Много лучше остается желать оформление журнала. Печатается он на серой, грубой бумаге. Такого же качества и обложка.

Старейший грузинский журнал «Мнатауби» должен работать в новых условиях лучше, гибче, стать подлинной творческой трибуной писателей, возглавлять борьбу за высокодетективную литературу стalinской эпохи.

В основе повести Л. Гогуа «Караван без пути» лежит исторический факт — гибель Георгия Саакадзе в Турции в 1629 году. Георгий Саакадзе и его спутники, вынужденные искать убежище на чужбине, вначале с притворной лаской были приняты турецкими властями, а затем нередом брошены в темницу. Обреченные на смерть грузины склонились перед турецкими насилиниками. Они умирают с проклятием, боровшихся за сильную, обделенную Грузию, отомстив ей, то больше.

Новеллы Г. Шатебашвили, однако, во многом несовременны; их главный недостаток — отсутствие внутренней связи между эпизодами. Для скрепления разорванных частей Г. Шатебашвили перекрывает «смылок» с помощью многоточий и языков, где требовались слова, образы, «юность». К. Елисабетиани — белетристованный очерк юных годов товарища Стalinina. Автор использовал воспоминания друзей Стalinina по горийскому духовному училищу и тбилисской семинарии, а также другие документальные источники. Достоверность в точности — несомненные достоинства очерка. Но автор не сумел глубоко показать развитие характера молодого Стalinina. Вдумчивый анализ явлений автор полемизирует конкретизацией фактов. Много и упорно надо трудиться автору, чтобы его очерк стал достойным великим творческим.

В основе повести Л. Гогуа «Караван без пути» лежит исторический факт — гибель Георгия Саакадзе в Турции в 1629 году.

Георгий Саакадзе и его спутники, вынужденные искать убежище на чужбине, вначале с притворной лаской были приняты турецкими властями, а затем нередом брошены в темницу. Обреченные на смерть грузины склонились перед турецкими насилиниками. Они умирают с проклятием, боровшихся за сильную, обделенную Грузию, отомстив ей, то больше.

«Гроза» Ал. Белиашвили, пожалуй, единственное произведение на «тильовую» тему, появившееся в «Мнатауби» за последнее время.

Добрые намерения писателя — запечатлеть живые образы тружеников тыла —

Ежемесячный художественно-литературный и общественно-политический журнал «Драмы и писатели Грузии», № 6, 7-8, 9, 10, 11-12 за 1945 г.

А. ЕЛИСАБЕТИАНА

ПОСМЕРТНЫЙ РОМАН ДРАЙЗЕРА

Посмертно изданный роман «Опплотов» — первое крупное художественное произведение Теодора Драйзера со временем «Американской трагедии» (1925 г.). Между тем эти последние двадцать лет были для него периода нараставшей активности. Ряд публицистических работ, среди которых выходят книги «Драйзер смотрит на Россию» и «Трагическая Америка», его заявление о приеме в члены коммунистической партии США — таковы основные вехи пройденного им за это время славного политического пути. С тем большим интересом можно было ожидать публикации посмертных произведений Драйзера — реномированного романа «Опплотов» и, по слухам, готовящегося к выходу в свет заключения «Трилогии жалания», начатой около трех век назад романами «Финансист» (1912 г.) и «Титан» (1914 г.).

«Опплотов» — роман из жизни американских квакеров, воспроизводящий в форме семейной хроники жизненный путь одного из старейших проповеднической квакерской общин в городке Дюкка, близ Филадельфии, состоятельный дельца, банкира Солона Бэрнеса. Американская сектантство и ранее привлекло к себе внимание Драйзера. До достаточно вспомнили «Американскую трагедию» с ее реалистическим описанием диссидентской среды, откуда вышел герой романа Клайд Гринфитт. Изображение американского квакерства в романе «Опплотов» составляет, однако, лишь внешнюю оболочку внутренней, гораздо более значительной и острой темы, занимающей автором. История Солона Бэрнеса, квакера

Theodore Dreiser. The Bulwark. A Novel. Garden City. New-York. Doubleday and Company. 1946.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: критики — К 4-76-02, литература — К 4-26-04, писем — К 3-19-30.

ВСОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Творческий вечер Е. Трутневой

Большинство стихов, Е. Трутневой, проявленных на днях в Областной комиссии Союза писателей СССР, получило очень положительную оценку. И. Халтурин, М. Годолдин, В. Звягинцев, А. Карцев и другие говорили об их поэтичности, образности. Особенно понравилось всем стихотворение «Завтра в классе», где в последующих строках дан образ уходящего лета. Листья из дерева, листья, летят в прозрачном воздухе паутинки.

И высоко от земли
пространств журавли.
Все летят! Должно быть, это
устепает наше лето.

Выступивший на совещании С. Маршак

Первый сборник стихов

А. Кленов, автор детских стихов и переводов из белорусских поэтов, подготвил к печати первую книгу своих стихотворений.

Многие стихи, прочитанные молодым поэтом, — «Берлин горит», «Половодье», «Утес», «Походная сумка», «Лесной полстакон» и др., — на заседании военной комиссии СССР получили положительную оценку.

— Стихи Кленова, — заключает С. Маршак, — на верном пути. Ей нужно больше и смелее писать, но бережней отбирать стихи для печати.

Выступивший на совещании С. Маршак

сказал, что стихи Трутневой написаны в хороших традициях русской поэзии. Ее образы точны, метки, зорки. Первая строфа стихотворения «Конец зимы» могла бы войти в хрестоматию для детей. Но Трутневой — настоящему мастеру детской поэзии — иной раз изменяет вкус и такт. Это чаще всего бывает в стихах, где речь идет от лица ребенка. Рядом со стихами, поданными программно-лидактическими стихами, как, например, «Лесная аптека».

— Трутнева, — заключает С. Маршак, — на верном пути. Ей нужно больше и смелее писать, но бережней отбирать стихи для печати.

Стихи Кленова написаны в хороших традициях русской поэзии. Ее образы точны, метки, зорки.

Первый стихотворение «Завтра в классе», где в последующих строках дан образ уходящего лета, листья из дерева, летят в прозрачном воздухе паутинки.

Л. Славин замечает, что стихи Кленова вызывают в участниках войны живые воспоминания, потому что поэт находит точные образы для выражения трудной походной солдатской жизни.

Л. Лейтес, Л. Лагин, В. Тушнова и др.

указали на присущие стихам А. Кленова риторику, необязательность эпитетов, традиционность некоторых образов.

Книга о битве за Кавказ

В Областной комиссии СССР состоялось обсуждение рукописи В. Закруткина «Кавказские записки». Это большое документальное произведение, повествующее о ходе боев на тысячекилометровом Кавказском фронте — от Цемесской бухты до Моздокских степей — осенью и зимой 1942 г.

По мнению Маринетты Шагинян, «Кавказские записки» — не первенцы много раз используемых сюжетов войны, а своеобразное выражение событий и мира, унифицирующее

деленного своим глазами. Удачи Кленова сопутствуют ему, главным образом, в схемах-раздумьях, а не в тех, где он изображает природу.

Л. Славин замечает, что стихи Кленова вызывают в участниках войны живые воспоминания, потому что поэт находит точные образы для выражения трудной походной солдатской жизни.

Л. Лейтес, Л. Лагин, В. Тушнова и др.

указали на присущие стихам А. Кленова риторику, необязательность эпитетов, традиционность некоторых образов.

И. Третий, Л. Гагин, С. Гарифуллина и др.

замечали, что стихи Кленова насыщены

жизненными мемуарами, своеобразную «историю фронта», в которой запечатлены наиболее яркие эпизоды кавказской эпопеи.

Отмечена искренность и теплота в изображении многих персонажей (полковник Аршинцев, старшина Глуз, мальчик-боец Волода), А. Караваева предстает как автор отчизненного увлечения цитатами из оперативных документов.

А. Каравеев, А. Софонов, И. Василенко и др. говорили об историко-познавательной ценности книги В. Закруткина, о том, что автору удалось создать правдивое и нужное произведение.

Летний отдых писателей

Фонд Государственной библиотеки имени В. И. Ленина пополнился в 1945—1946 гг. ценностями приобретениями, включая рукописи В. Закруткина.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник «Летний отдых писателей»

РЕДКИЕ КНИГИ

Фонд Государственной библиотеки имени В. И. Ленина пополнился в 1945—1946 гг. ценностями приобретениями, включая рукописи В. Закруткина.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник «Летний отдых писателей»

издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.

Сборник издается в форме гравюры на дереве, выполненной мастером в 1945 г. И. Шевченко.